

УДК 881.161.1'42

ПЕРЕДАЧА ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ УДИВЛЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ

(на материале переводов романа Ф.М. Достоевского)

М.Ю. Родионова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и его переводов на английский язык сопоставляется семантика русских и английских слов, называющих эмоцию удивления, и делается вывод о том, что специфика английских названий вызывает при переводе необходимость в приеме конкретизации, что в целом более характерно для англо-русского, а не для русско-английского перевода.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, удивление, перевод, конкретизация.

Rendering the Emotional State of Surprise in Translations of Dostoyevsky's "The Idiot"

Maria Yu. Rodionova

Nizhny Novgorod State Linguistics University

The article discusses semantics of Russian and English words denoting various shades of surprise in Dostoyevsky's "The Idiot" and its English translations and shows that semantic differentiation of English words makes translators resort to the transformation of concretization, which is generally more typical of English-Russian, not of Russian-English translation.

Key words: emotion, surprise, translation, concretization.

Полное и точное воссоздание эмоционального мира каждого персонажа при переводе художественных произведений является одной из важнейших задач, стоящих перед переводчиком. Однако в силу целого ряда причин эта задача оказывается непростой. Прежде всего, сложность интерпретации и перевода характеристики эмоционального состояния объясняется тем, что автор часто использует комбинацию из нескольких способов. На одном только лексическом уровне можно выделить три группы единиц: средства названия эмоций, средства выражения эмоций и средства описания эмоций. То есть речь идет о таких лексических единицах как: слова, являющиеся названиями эмоциональных состояний («гнев», «радость», «презрение» и т. д.); слова, являющиеся языковым проявлением эмоций, манифестацией в речи самих эмоций (слова с экспрессивно-оценочной коннотацией); слова ассоциативно-эмотивные, т. е. такие, которые, не называя и не выражая эмоций, вызывают в сознании говорящих и слушающих ассоциации с теми или иными эмоциями. Последняя группа представлена в языке широким набором лексических единиц, описывающих как интенсивность переживания

эмоций, так и психофизиологические симптомы эмоционального состояния, вегетативные реакции, мимику, жесты, позы, телодвижения, изменения цвета лица, фонации, локомоции и поведение человека в состоянии эмоционального напряжения.

На лексическом уровне средством репрезентации эмоций являются не только слова, но и фразеологические единицы. Подобно лексике, фразеология содержит богатейшие средства речевой выразительности, придаёт речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. Подавляющее большинство фразеологических единиц обозначает те же понятия, которые могут быть переданы словами или описательными конструкциями. Однако фразеологизмы отличаются от синонимичных слов нюансами значения и экспрессией, а также часто имплицитным характером языкового обозначения эмоций. Как и слова, фразеологические единицы часто не содержат прямого указания на ту или иную эмоцию, испытываемую человеком. Интерпретация эмоции в таком случае опирается на фоновые знания и языковую компетенцию читателя или переводчика.

Однако не только лексический, но и все другие уровни языка имеют свои специальные средства репрезентации эмоционального состояния человека. Подробный анализ этих средств на материале русского языка дан в работе Д.А. Романова [1]. В речи эмоции могут выражаться на фонетическом уровне, в первую очередь, при помощи интонации. В языке интонационные модели сопряжены с единицами синтаксического уровня, с использованием синтаксических структур, характерных для эмоциональной речи. Использование таких специфических синтаксических элементов свидетельствует об особенностях речемыслительной деятельности в состоянии эмоционального напряжения, влияющего на работу психофизиологических механизмов речепорождения [2; 3].

Таким образом, средства характеристики эмоционального состояния человека включают в себя лексические единицы, называющие эмоции, и лексические средства выражения эмоций, к которым в речи добавляется возможность описания внешности, мимики и поведения человека, а также возможность использования структурных форм эмоциональной речи, т. е. синтаксических средств и лексических единиц, типичных для речи человека, находящегося в состоянии эмоционального напряжения.

Обычно переводчик художественного произведения, стремясь воссоздать в переводе стиль автора, старается сохранить те способы, с помощью которых в оригинале характеризуется эмоциональное состояние. Так, если автор использует лексические единицы, называющие эмоциональное состояние, или если в качестве характеристики эмоционального состояния, переживаемого персонажем, автором выбрано описание мимики, жестов и других невербальных средств проявления эмоций, в тексте перевода воспроизводятся именно эти средства. Нередко в переводе предпринимаются попытки воспроизвести и особенности

речепорождения, свидетельствующие об особенностях речемыслительной деятельности при том или ином типе эмоционального состояния.

Задача переводчика осложняется и различиями в речевом узусе, а в случае перевода художественных текстов еще и различиями в литературных традициях. Причем и узус, и литературные нормы могут со временем меняться, что оказывается весьма существенным, если создание оригинала и перевода разделены значительным временным интервалом.

Если сравнивать языковые средства прямой номинации эмоций в английском и русском языках, то прежде всего необходимо отметить наличие в английском языке большего, чем в русском, количества слов, называющих одну и ту же базовую эмоцию. Это объясняется наличием в английском языке слов с более сложной семантикой, отражающей разные оттенки этой эмоции, и более четкой дифференциацией эмоционального состояния, тогда как в русском языке репрезентация этих оттенков чаще достигается за счет взаимодействия слов, называющих эмоцию в ее основном виде, и средств описания эмоционального состояния. В этих случаях перед переводчиком встает вопрос: нужно ли воспроизводить такой способ характеристики, нарушая при этом узус переводящего языка? А если нет, то достаточно ли использовать семантически осложненную номинацию, опустив все средства описания эмоционального состояния, или нужно эти средства сохранить, создавая при этом семантическую избыточность?

Особенно же большие трудности возникают у переводчиков в тех случаях, когда в тексте оригинала отсутствуют эксплицитно выраженные уточнения названной эмоции. Необходимость использовать в английском языке слово, называющее определенную разновидность эмоционального состояния, требует от переводчика тщательного анализа контекста, причем иногда достаточно широкого. В качестве примера рассмотрим варианты репрезентации разных оттенков эмоции *удивления* в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» и его переводах на английский язык, выполненных Е. Мартин, А. Майерсом и Д. МакДаффом.

При анализе функционирования слов-номинаций эмоции, безусловно, встречаются случаи, когда и в тексте оригинала, и в тексте перевода используется основная номинация – слово, которым базовая эмоция названа в психологической классификации, или его производные: «удивление» – *surprise*.

– *A представьте, я совсем не думая сказал, – пояснил он, наконец, в удивлении.*

'Imagine, I said it quite without thinking', he explained at length, surprised [перевод А. Майерса].

Однако там, где в русском тексте есть указания на эмоциональное состояние *удивления*, осложненное дополнительными компонентами (например, очевидный из контекста знак эмоции, удивление,

сопровождается раздумьем, беспокойством, восхищением и т. д.), в английском тексте номинации «удивление» соответствуют другие слова. Так, в следующем контексте три переводчика используют три разных номинации – в зависимости от того, какой контекстуально обусловленный оттенок значения слова «удивительно» каждый из них считает нужным выделить:

– *Удивительно*, – сказал Ганя, – и даже с сознанием своего назначения, – прибавил он, смеясь насмешливо.

Это сказано в ситуации, когда собеседники насмешливо восхищаются неожиданным для них талантом князя Мышкина, и в восклицании Гани восхищение преобладает над удивлением.

В английском языке смесь удивления с восхищением выражается словом *amazing*, которое в словаре *Oxford Dictionary of English* имеет определение «very surprising, especially in a way that makes you feel pleasure or admiration». Именно оно употреблено в переводе А. Майерса:

'Amazing', said Ganya, 'and aware of his vocation too,' he added, with a sarcastic laugh.

В переводе Д. МакДаффа употребляется другое слово – *astonishing*, которое приводится в словаре *Oxford Dictionary of English* в качестве синонима слова *amazing* и определяется как «very surprising; difficult to believe»: здесь также к собственно неожиданности добавляется оттенок невероятности, что вполне соответствует контекстуально обусловленной разновидности удивления в русском тексте.

'Astonishing,' said Ganya, 'And even with an awareness of his calling,' he added, laughing sarcastically.

Там, где из контекста следует, что речь идет об удивлении, вызванном чем-то, во что трудно поверить, в английском тексте также встречается *astonishing* в значении «very surprising; difficult to believe»:

Белокурый несколько удивился, что ему удалось сказать довольно, впрочем, плохой каламбур.

The prince was a little astonished at having managed to utter a witticism, however feeble [перевод А. Майерса].

Там, где удивление вызвано чем-то волнующим, и, возможно, связанным с положительными эмоциями, в некоторых переводах появляется слово *wonder*, которое имеет значение «a feeling of surprise and admiration that you have when you see or experience something beautiful, unusual or unexpected»:

Но Варя видела и слышала всё, и с удивлением проводила ее глазами.

Varia, however, both saw and heard all, and watched Nastasia out of the room with an expression of wonder [перевод Е. Мартин].

Использование семантически осложненного варианта в английском языке отмечается и в случаях контекстуально обусловленной отрицательной окраски удивления, отсутствующей в русской лексеме:

Нет: тут хохотало пред ним и колело его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имело к нему в своем сердце ничего, кроме глубочайшего презрения, презрения до тошноты, наступившего тотчас же после первого удивления.

No: it was an extraordinary and startling creature who sat laughing in front of him now, stinging him with venomous taunts as she told him straight to his face that, in her heart, she had never held him in anything but the most profound contempt, contempt verging on nausea, which had begun immediately after her initial shock and surprise [перевод А. Майерса].

В словарной дефиниции номинации «*shock: a strong feeling of surprise as a result of something happening, especially something unpleasant*» содержится указание как на причину возникновения эмоционального состояния *удивления*, так и на отрицательный знак номинируемой эмоции. Добавление номинации *shock*, сделавшее эмоцию отрицательной, продиктовано, по-видимому, ближайшим контекстом, содержащим двойную номинацию отрицательной эмоции *презрения* в наивысшей степени интенсивности ее протекания, отраженной в пиковых усилителях «глубочайший» и «до тошноты».

Часто переводчики используют семантически осложненные номинации в тех случаях, когда в оригинале имеются интенсификаторы. Например:

– *Как!* – вскричал князь *вне себя от удивления*.

В переводе А. Майерса контекстуально обусловленный характер удивления (что-то невероятное, что-то такое, во что трудно поверить) передан номинацией *amazement* («*a feeling of great surprise*»). Наивысшая степень интенсивности эмоции («вне себя» – в крайнем волнении, возбуждении, независимо от характера этого волнения) передана словом *stun*, в значении которого сочетаются как качественная характеристика эмоции, так и наивысшая степень интенсивности переживания этого состояния, проявляющаяся во временной неспособности к речемыслительной деятельности, что зафиксировано в словарной дефиниции («*stun: to surprise or shock somebody so much that they cannot think clearly or speak*»):

'What!' cried the prince, in stunned amazement.

В следующем примере русскому слову «удивление» в английском тексте также соответствует семантически осложненная номинация (*amazement* в переводе Е. Мартин и *astonishment* в переводе Д. МакДаффа), а усилителю «до столбняка», означающему «состояние неподвижности, оцепенения от сильного душевного потрясения; остолбенение», – существительное *stupefaction*, означающее как эмоцию *удивления*, так и степень ее интенсивности, проявляющуюся в неспособности думать:

«stupefy: to surprise or shock somebody; to make somebody unable to think clearly»:

Ипполит прислушивался с удивлением, доходившим до столбняка; вдруг он страшно побледнел и весь затрясся.

Hippolyte listened to this in amazement, almost amounting to stupefaction [перевод Е. Мартин].

Ippolit listened with an astonishment that intensified to the point of stupefaction; suddenly he grew terribly pale and began to shake all over [перевод Д. МакДаффа].

Анализ данных примеров передачи при переводе эмоционального состояния, называемого в русском тексте лексической единицей «удивления» и ее производными, показал, что в текстах перевода используются семантически осложненные лексические единицы, содержащие в своем значении указание на определенную разновидность эмоции (качественную или количественную) и называющие разные оттенки удивления. Все эти слова имеют общую доминантную сему, но могут представлять эту эмоцию разными способами: с учетом или без учета интенсивности переживания эмоции, в сочетании с другими, сопутствующими эмоциональными состояниями или отдельно от них, с указанием на причины, вызывающие эту эмоцию, или без такого указания и т. д. При этом выбор того или иного слова в тексте перевода продиктован контекстуально обусловленными особенностями эмоционального состояния *удивления*. Таким образом, в описанных выше примерах речь идет о переводческом приеме конкретизации.

Эта тенденция прослеживается во всех трех переводах. Это позволяет сделать предположение о том, что такой выбор лексических единиц продиктован не субъективными особенностями переводческого подхода, а языковыми особенностями, имеющими объективный характер. Поскольку в разных языках эмоциональный мир человека отражается по-разному, то разное восприятие и членение эмоциональной сферы языковым менталитетом носителей разных языков приводит к различиям в количестве лексических единиц, называющих ту или иную эмоцию. Это наблюдение вступает в противоречие с общей закономерностью использования трансформаций конкретизации и генерализации при англо-русском и русско-английском переводе. В целом большее количество широкозначных слов в английском языке приводит к тому, что при переводе с английского на русский преимущественно используется трансформация конкретизации, тогда как при переводе с русского на английский – генерализации. Особенно это касается глаголов и их производных, поскольку в английском языке глаголы обычно называют действие как таковое, а в русском языке уже в самом названии действия заключено указание на способ или цель его совершения. Даже при наличии в английском языке семантических аналогов русских глаголов частотность

их употребления значительно ниже. Там, где в русском тексте будут использованы разные глаголы («книга *лежит* на столе», «картина *висит* на стене», «он *учится* в Оксфорде»), в английском будет использован глагол *to be*: «the book *is* on the desk», «the picture *is* on the wall», «he *is* at Oxford». В случае же со словами (в том числе и глаголами), называющими эмоциональное состояние человека, соотношение слов с общей и конкретной семантикой оказывается противоположным: в русском языке названия эмоций более общие, тогда как в английском – семантически осложненные. В результате при переводе текстов, содержащих характеристику эмоционального состояния человека, закономерность оказывается противоположной: при переводе с русского языка на английский возникает необходимость не в генерализации, а в конкретизации.

Библиографический список

1. Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: На материале русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2004. 496 с.
2. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса (на материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 383 с.
3. Синеокова Т.Н. Универсальный характер синтаксических конструкций, реализуемых в состоянии эмоционального напряжения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 13. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2011. С. 74-81.

Список иллюстративного материала

1. Достоевский Ф.М. Идиот. По изданию: «Идиот. Роман в четырех частях Федора Достоевского. С.-Петербург. 1874», с исправлениями по журналу «Русский Вестник» 1868 года с сохранением орфографии издания. Редакция Б. Томашевского и К. Халабаева // Электронный ресурс Интернет: <http://lib.aldebaran.ru/> (дата обращения: 29.03.2017).
2. *Dostoyevsky F. The Idiot. Translated by Eva Martin. Rockville: Wildside Press, 2003. 580 p.*
3. *Dostoevsky F. The Idiot. Translated and edited by Alan Myers. Oxford: Oxford University Press, 2008. 652 p.*
4. *Dostoyevsky F. The Idiot. Ware: Wordsworth Editions Limited, 1996. 578 p.*